

Психология как междисциплинарная метанаука о сознании человека

Никитина Елена Сергеевна

ФГБУН Институт языкознания РАН, Россия

e-mail: m1253076@yandex.ru

Аннотация. Втянув в сферу своих интересов образование космического масштаба – сознание – психология начала перестройку в методологической базе научного исследовательского инструментария. Междисциплинарный синтез знаний через метаязыковые коммуникации выступает одним из аспектов постклассических научных интервенций.

Ключевые слова: сознание, голограмма, понимание, полидисциплинарность, метатеория, знак, психосемиотика, психогерменевтика, психолингвистика

Psychology as interdisciplinary metascience about human consciousness

Nikitina Elena Sergeevna

Institute of Linguistics RAS, Russia

e-mail: m1253076@yandex.ru

Abstract. Drawing into the sphere of its interests the formation of a cosmic scale – consciousness – psychology began restructuring in the methodological base of the scientific research toolkit. Interdisciplinary synthesis of knowledge through meta-linguistic communications is one of the aspects of post-classical scientific interventions.

Keywords: consciousness, hologram, comprehension, polydisciplinarity, metatheory, sign, psychosemiotics, psychohermeneutics, psycholinguistics

Два исследователя нашего времени: Дэвид Бом, профессор Лондонского университета, ученик Эйнштейна, один из выдающихся специалистов в области квантовой физики, и Карл Прибрам, нейрофизиолог при Стэнфордском

университете, автор книги «Языки мозга» выдвинули гипотезу, что наш мир есть голограмма, проекция некоего уровня реальности, который находится далеко за пределами нашего привычного мира – настолько далеко, что там исчезают сами понятия времени и пространства. Утверждение Прибрама о том, что наш мозг сам конструирует объекты, равно-радикально заключению Бома, что мы сами конструируем пространство и время. Принцип голограммы – «все в каждой части» – позволяет принципиально по-новому подойти к вопросу организованности и упорядоченности мира. Если мы будем рассекасть что-либо, устроенное голографически, мы не получим частей из которых оно состоит, а получим то же самое, но меньшего размера. И в отличие от обычной фотографии, каждый участок голограммы содержит всю информацию о предмете. Так работает человеческая память – связной механизм сознания.

Постнеклассическая наука рассматривает объекты как саморазвивающиеся сложные системы, естественно-культурные комплексы, включающие человека. Основная особенность таких объектов обозначается как «человекоразмерность». Реальность характеризуется на основе взаимодополняющих подходов – исторического и системного: реальность как процесс и реальность как сеть взаимосвязей, в которую включен человек. Ключевые идеи постнеклассической науки – нелинейность, самоорганизация, глобальный эволюционизм, системность. Становление постнеклассической науки сопровождается расширением эпистемологического горизонта. В проблематику естественных наук вошла тема понимания. Притом в одной из наиболее радикальных трактовок понимания как диалога.

В постклассическом научном понимании сознание уже не может рассматриваться в классической познавательной схеме субъект-объектных отношений. Вначале стала очевидной ограниченность представления о том, что самосознание является «прозрачным» для самого себя, наиболее фундаментальным и предельным основанием знания (*cogito ergo sum*), где объект знания и средства познания совпадают. Ведь сознание как таковое (а не его понимание) не может быть нами жизненно пережито, иначе, не может быть для нас феноменом жизни, и поэтому оно не может быть объектом позитивного знания. И дело не только в том, что оно не может быть объектом личного опыта, хотя и это очень важно, а в том, что для нас оно не может быть никаким объектом. Мы говорим, что работаем с сознанием, что занимаемся пониманием сознания именно потому, что описывать сознание, работать с самим сознанием, а не с его пониманием, невозможно. Семиотическое совпадение языка описания с самим предметом исследования здесь наиболее ярко выражено. Поэтому должны были быть введены новые термины, понятия, которые надо отнести не

к сознанию как предмету работы, а к «работе» с ним и таким образом эти термины и понятия будут фиксироваться как свойства самой работы с сознанием. Об этом писали в своей книге «Символ и сознание» М.К. Мамардашвили и А. М. Пятиговский [4, С. 31].

Понимание есть условие работы с сознанием (не «работа сознания», а «работа с сознанием»), которая есть совершенно особый источник познания. «Здесь особую роль играет некоторая внутренняя отрицательная способность, выражающаяся в своего рода "борьбе с сознанием". Борьба с сознанием происходит от стремления человека к тому, чтобы сознание перестало быть чем-то спонтанным и самодействующим. Сознание становится познанием, и на это время (слово "время" здесь не имеет физического смысла) перестает быть сознанием, и как бы становится метасознанием, – и тогда термины и утверждения этого последнего мы условно назовем метатеорией. И то, что нас с необходимостью толкает к метатеории сознания, есть необходимость борьбы с сознанием. Задача в том, чтобы, во-первых, определить условия, в которых возникает проблема борьбы с сознанием и, во-вторых, – раскрыть эту борьбу с сознанием как являющуюся саму по себе источником познания. Борьба с сознанием вытекает из самого способа существования отдельного человека как сознательного существа и является проявлением этого способа, и в этом смысле это прагматическая проблема, потому что человек наталкивается на нее, какой бы деятельностью он ни занимался. Человек решает эту проблему как проблему своего способа существования» [4, С. 28].

В метатеории сознание не есть один из психических процессов, но есть уровень, на котором синтезируются все конкретные психические процессы (могут быть и иные уровни, например, бессознательный, надсознательный, сверхсознательный), и которые здесь уже не являются самими собой, так как на этом уровне они относятся к сознанию. Потому на каждый психический процесс можно смотреть как со стороны сознания, так и со стороны объектов. Учет предметного аспекта стороны сознания предполагает синтез знаний из дисциплин его изучающих.

Знаки, символы, тексты выступают в качестве материальных носителей человеческих способов жизнедеятельности и трансляции из поколения в поколение специфически человеческих способностей, сознания как интегратора этих способностей. «Огромный выигрыш человека, обладающего развитым языком – писал А.Р. Лурия, – заключается в том, что мир удваивается. С помощью языка, который обозначает предметы, он может иметь дело с предметами, которые непосредственно не воспринимаются и которые не входят в состав его собственного опыта... Человек имеет двойной мир, в который

входит и мир непосредственно отражаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами. ...Человек может произвольно называть эти образы независимо от их реального наличия... может произвольно управлять этим вторым миром» [3, С. 37]. Изучив предварительно законы работы с сознанием, добавим мы.

В последние десятилетия среди философов, психологов, лингвистов, культурологов возрос интерес к формирующимся междисциплинарным областям знаний, освещающих проблемы общих для них культурных феноменов знака, значения, символа, смысла, слова, текста, интерпретации, понимания и т.д. Сформировавшиеся на базе этого интереса психолингвистика, психосемиотика и психогерменевтика как новые отрасли гуманитарного знания вводят фактор сознания и способы его функционирования в науки о знаковых системах, в проблему понимания текстов, выраженных на разных языках, в вопросы интерпретации действительности и построения картины мира. Однако каждая из этих дисциплин имеет свой предмет в конструируемом коммуникативном пространстве науки.

Психолингвистика возникла как междисциплинарная область изучения «говорящей головы». История направлений и школ в психолингвистике подтвердила ту научную мысль, что метод формирует предмет изучения. Поэтому многообразие методов выявило и многообразие предметов исследования от ассоциативно организованного сознания в духе Павлово-Осгудовского детерминизма, вербально-мозговой организации (Хомский-Черниговская), до теоретически не разработанного, но имеющего мощную практическую базу деятельностного подхода к изучению психики человека. Почти все направления в психолингвистике формировали свое особое психотерапевтическое направление – практическую базу – в качестве доказательства предлагаемых гипотез о работе речевого аппарата. В деятельностном подходе практики, в том числе и психотерапевтические были осознанно разработаны в зарубежной (европейской) психолингвистике. Тем не менее, психолингвистике как академической дисциплине пока не удалось построить специальную онтологическую картину, задающую особую «действительность» данной науки, и найти ей место в научной картине мира. Смысл работ по психолингвистике, на наш взгляд, состоял и состоит в том, что они расширили область эмпирического материала, в отношении которого ставится задача научного анализа, «втянули» его в науку и позволили ставить в эмпирической форме новые научные проблемы.

«Говорящая голова» у большей части населения обслуживает прихоти тела. Поэтому вербальный язык является лишь одним из языков культурно-

семиотического континуума. Это понимали и утверждали практически все основоположники учений о языке от Ф.де Соссюра до Ю.С.Степанова. Режимы работы сознания (подсознания) – будь то сон, игра, безумие, искусство, ремесло, наука, религия и т.п. – обслуживаются разнообразными знаковыми системами. Изучение и координация их в пространстве культурного взаимодействия есть проблема психосемиотики. «Дело прежде всего в том, что о человеке, о его мире (социальном, культурно-историческом, психологическом), о том, что, как и почему он в нем делает и что вообще происходит с ним, мы в принципе знаем только из того, что произошло на основании суждений и осознаваемых состояний самого агента действия. Это и ставит с особой остротой вопрос о языке описания. Ясно, что в определенном смысле можно рассматривать события и явления мира как материально (через вещественный результат действия) или идеально (через речь) сообщаемое выполнение или воплощение человеком определенных содержаний и смыслов. Этим сообщенным человек выделяет себя в качестве субъекта, который сам входит в состав процессов мира. Природа же нам ничего не сообщает, не говорит с нами ни на каком языке. Физик резонно скажет нам, что она ничего такого просто не содержит, что природные явления никоим образом не выделяют себя индивидуально. Ведь нельзя же предположить, что, например, состояние атома экранируется (осознанием) в нем и этим сообщается нам, представляется в качестве явления. А вот в случае живых, наделенных сознанием существ мы именно это предполагаем, даже если в итоге нам удастся выделить исследованием нечто отличное от того, как это нечто пережито, осознано, то есть от языка внутреннего ("захотел, чтобы", "почувствовал, что", "увидел, что" и тому подобное, выраженное субъектом или нами "вчитываемое" в него). И как бы далеко мы ни прошли назад во времени, мы не найдем эти существа вне культуры, сознания и языка.

Иными словами, у исследуемой реальности есть еще и язык в самом широком смысле этого слова, и она никоим образом не дана познанию вне его. Эту реальность нельзя в чистом виде наблюдать отдельно от ее же языка, кроме разве что хорошо известных случаев патологической полной реактивности поведения, крайнего распада деятельности и сознания» [2].

Семиотика, возникшая на рубеже столетий, во-первых, не предложила собственного метода исследования, если под методом понимать совокупность операций, позволяющих теоретически или практически осваивать действительность. Точнее говоря, семиотика в принципе вбирает в себя любые методы, отрицая какую-либо связь между методом и мировоззрением. Во-вторых, семиотика практически игнорирует различие объекта описания и языка

описания, рассматривая то и другое в качестве двух изоморфных друг другу языков. «Семиотика – это способ существования человека внутри создаваемого им языка. Как только иллокутивный акт перестает быть чистым действием и перемещается в сферу рефлексии, мы объективно попадаем в пространство семиотики. Исторически семиотика представлена тремя векторами развития. Однако нетрудно представить себе гипотетическую ситуацию с максимально большим числом таких векторов, имеющих, однако, общую точку, имя которой – знак» [6, С. 47]. Только сознание может быть одновременно и во «вне» и «внутри» означенного им образования, поскольку само не имеет закрепленного за собой места (согласно Канту, метафизическая задача о месте души не только неразрешимая, но и внутренне противоречивая). Сознание человека пишется на языке смыслов (не дискретных образований в отличие от значений), семиотика же пытается описать законы смыслопорождения [5].

Методы смыслопорождения предлагает психогерменевтика как наука о понимании, как попытка создать у читающих чужую субъективность в виде текста, как способы стимулировать волю и понимание, развить способность понимать в качестве одной из важнейших сущностных сил человека. «Герменевтика же как деятельность в конечном счете имеет цели практические: понять, понимать, делаться понимающим (то есть умнеть), помогать другим делаться понимающими (умными), улучшать взаимопонимание между людьми и народами, объяснять основания своего или чужого понимания (интерпретировать) и помогать другим интерпретировать что-то, избавляться от глухого непонимания и помогать в этом другим, шире – обогащать духовную жизнь индивида и рода, делая людей умнее, лучше и чище» [1].

Понимание соединяет в единый узел познание, общение и расширение сознания (как метатеоретического образования).

Проблемы и материал, структура и онтология, методы и процедуры предполагают объединение таких дисциплин как психолингвистика, психосемиотика и психогерменевтика в единый академический комплекс, описывающий жизнь сознания.

Заключение

Психолингвистика, Психосемиотика. Психогерменевтика могут развиваться только в диалогической парадигме социокультурного взаимодействия. Они и возникли как ответ на межличностные, межкультурные, междисциплинарные, полидисциплинарные, межъязыковые и иные межвзаимодействия в современном мире. Для каждой из этих дисциплин две другие выступают комплементарной проекцией в познавательном пространстве познающего себя сознания.

Список литературы:

1. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику. Тверь, 2001. 731 с.
2. Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7. С. 109-125 (Второе издание: "Постнеклассическая психология". 2004. № 1. С. 45-71).
3. Лурия А.Р. Язык и сознание./ Под редакцией Е. Д. Хомской. М: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.
4. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
5. Никитина Е.С. Семиотика. Курс лекций: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект; Трикста, 2006. 528 с.
6. Шатин Ю.В. Три вектора семиотики // Журнал "Дискурс". 1996. № 2. С. 41-47.

References:

1. Bogin G.I. Obretenie sposobnosti ponimat': Vvedenie v germenevtiku. Tver', 2001. 731 s.
2. Zinchenko V.P., Mamardashvili M.K. Problema ob#ektivnogo metoda v psihologii // Voprosy filosofii. 1977. № 7. S. 109-125 (Vtoroe izdanie: "Postneklassicheskaja psihologija". 2004. № 1. S. 45-71).
3. Lurija A.R. Jazyk i soznanie./ Pod redakciej E. D. Homskoj. M: Izd-vo Mosk. un-ta, 1979. 320 s.
4. Mamardashvili M.K., Pjatigorskij A.M. Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdenija o soznanii, simvolike i jazyke. M.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1997. 224 s.
5. Nikitina E.S. Semiotika. Kurs lekcij: Uchebnoe posobie dlja vuzov. M.: Akademicheskij Proekt; Triksta, 2006. 528 s.
6. Shatin Ju.V. Tri vektora semiotiki // Zhurnal "Diskurs". 1996. № 2. S. 41-47.

Сведения об авторе:

Никитина Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (Москва, Россия).